

Е Ми заложила руки за спину, чтобы Цзин Цзыхэн не достал их.

«Дополнительный подарок — это моя благодарность за спасение моей жизни». Она немного смутилась, когда сказала это. «Эта благодарность не из шикарных, у меня сейчас нет денег, я обязательно сделаю вам еще один большой подарок, если у меня будут деньги в будущем».

Когда она говорила о своей нехватке денег, ее отношение было очень спокойным.

«В этом нет необходимости». Все это было немного за пределами ожиданий Цзин Цзыхэна.

Он остановился, внимательно посмотрел на девушку перед собой и сказал с серьезным выражением лица: «Спасение людей — это правильное дело. Неважно, кто упадет, я спасу любого, если увижу».

«Я знаю, но вы спасли именно меня». Я должна поблагодарить вас». Обе стороны упорно настаивали на своих взглядах, ни одна не позволяла другой победить, и снова началась молчаливая конфронтация.

Пока не подул холодный ветер.

«Кхм...» она не смогла сдержать зуд в горле.

Даже в относительно теплых южных регионах сила зимы не шутка.

Холодный ветер хлестал по лицу, как нож, было больно. Уже через некоторое время пребывания на улице уши Е Ми покраснели от холода и настолько онемели, что потеряли чувствительность.

«Холодно?»

Он поспешно попытался придвинуться к ней поближе, и вдруг вспомнил, что это можно считать использованием молодой незамужней женщины, и его движения замерли.

«Возвращайся».

Е Ми развернулась и машинально пошла обратно к воротам женского двора образованной молодежи.

Она думала, что все будет так же, как в прошлой жизни, когда они разойдутся, но она не ожидала, что Цзин Цзыхэн окажется неожиданно настойчив, он не получил ясного ответа от Е Ми, поэтому он снова поднял старый вопрос.

«Я серьезно настроен на свидание. Товарищ Е Ми, пожалуйста, подумайте об этом хорошенько».

Консервированные желтые персики, которые надежно лежали в кармане его пальто, внезапно были вынуты. Они были быстро засунуты в пару мягких и маленьких рук.

Боясь быть отвергнутым снова, мужчина ушел большими и уверенными шагами, подол его одежды быстро развеялся, и он исчез в одно мгновение.

«Эй...» Крик Е Ми растворился в завывающем холодном ветру.

Звук разговоров и смеха издали и вблизи, сопровождаемый хаотичными шагами внутри двух соседних образованных молодежных комплексов мужчин и женщин, оживился.

Все вернулись с работы.

Думая о больной Е Ми, Гао Юань пошла быстрее и первой ворвалась обратно во двор. Как только она открыла дверь, она учуяла запах риса, смешанного со сладким картофелем, и ее желудок, который не ел после целого дня работы, издал голодный крик.

«Эй, чья очередь сегодня готовить? Что так пахнет у нас?»

Чжан Сяохун вбежала из-за Гао Юань, преувеличенно глубоко вздохнула и выглядела очень голодной: «Могу ли я поужинать? Я работала весь день, и я умираю от голода».

«Каша готова, я нарежу немного солений, и каждый получит кашу в свою миску». Е Ми вышла из кухни, все еще держа кухонный нож.

«Ты еще не оправилась от своей болезни. Отдыхай эти несколько дней. Мы займемся готовкой». Гао Юань с неодобрением выхватил кухонный нож из рук Е Ми и увела ее обратно отдыхать.

«Я в порядке». Е Ми попыталась объяснить, но, к сожалению, кроме нее самой, никто из одиннадцати образованных девушек в Академии для девочек не поверил ей.

В тот момент, когда Е Ми внесли в дом, и она едва дышала. Все видели это своими глазами. Многие были так напуганы, что у них до сих пор остались страхи. Как они посмели бы допустить, чтобы с ней снова что-то случилось.

«Иди и отдохни, я поделюсь с тобой твоей кашей».

«Хорошо».

«Не волнуйся, я обязательно дам тебе самую большую миску».

Е Ми, которую группа отвела обратно в дом, была немного беспомощна, даже более того. Большинство их слов согревали ей сердце, что самое большое счастье для нее с тех пор, как она переехала в деревню, как же хорошо то, что атмосфера среди молодежи здесь очень хорошая.

Хотя все они прибыли со всего мира, и у многих людей разные жизненные привычки, они будут терпеть и понимать друг друга. Здесь не случается крупных конфликтов, а случайные небольшие трения безвредны.

Жизнь в деревне действительно тяжела, но если ты поможешь мне, я помогу тебя, и мы переживем любые дни.

«Вот, это твоя доля». Гао Юань вошла с двумя мисками каши, по одной в каждой руке.

Она поставила миску перед Е Ми, взяла другую миску для себя, опустила голову и начала пить.

Е Ми держала почти переполненную миску. Каша была такой густой, что она была похожа не на кашу, а скорее на тонко сваренный бататовый рис. На желтоватых зернах риса было много солений, и порция была явно больше, чем у других.

Она взяла ложку и воспользовалась щелью во рту Гао Юань, чтобы набить ее несколькими большими ложками каши. Миска с кашей тут же опустела на треть.

«Что ты делаешь? Ешь сама, у меня есть что поесть». Гао Юань поспешно остановила ее.

«Я не смогу доесть, пожалуйста, помоги мне, не трать ее зря».

Е Ми не врала, у нее плохой аппетит, а миска с кашей — не обычная, а та, что сравнима с небольшим тазом. Она действительно не может съесть столько каши.

«Ты слишком худая, так что ешь побольше. Если ты не станешь сильнее, как ты сможешь работать на ферме». Гао Юань, очевидно, знала, сколько ест Е Ми, и когда она увидела, что та не может есть, она не стала ее заставлять, поэтому она съела лишнюю кашу сама.

Редко когда удается вот так наесться досыта.